

Главную роль в событийных ситуациях играют предикаты-сказуемые, благодаря которым осуществляется «продвижение» текста вперед. Если событийная ситуация меняется на экзистенциальную, то повествование как бы останавливается, замирает, фиксируя предметный мир. Когда после событийной ситуации следует процессная, повествование замедляет свой ход, акцентируя внимание на предикате. Комбинируясь в тексте с различными типами высказываний, событийные высказывания образуют как бы узловые моменты, вершины в рамках межфразового единства. Например: **Стреляла лежа, уже не пытаюсь убежать,** / потому что вместе с кровью **уходили** и силы. // И немцы **добили** ее в упор, // а потом долго **смотрели** на ее и после смерти гордое и прекрасное лицо... (Б. Васильев) (процессная ситуация — процессная ситуация ← событийная ситуация → процессная ситуация).

Наиболее типичными акциональными группировками глаголов, составляющих событийные высказывания, являются различные результативные способы действия, а также финитивный, одноактный, моментальный способы действия. В событийных высказываниях не встречаются неопределенные глаголы, обозначающие отношение, состояние и неограниченные процессы. В русском языке эти глаголы относятся к группе дефективных глаголов несовершенного вида.

В широком контексте повествования изложенные типы высказываний образуют свои микроконтексты с тесно связанными и взаимопересекающимися границами. Эти высказывания могут охватывать несколько предложений, простых и/или сложных, но могут выделяться и в составе одного сложного предложения.

Границы ситуаций определяются единством субъекта, темы и предиката высказывания. В разных типах ситуаций существуют и разные соотношения между субъектом, темой и предикатом высказывания. Так, в экзистенциальных ситуациях смена субъекта и темы высказывания несет за собой смену ситуации и предиката. В событийных ситуациях же главную роль в этом отношении играет предикат. **С усилением акциональной «активности» предиката повышается его роль в формировании границ высказывания.** При событийных ситуациях она достигает максимального значения, прежде всего тогда, когда актуализуются признаки моментальности, одноактности и т. п. Большую роль в определении границ ситуаций играет и модально-темпоральный контекст.

¹ См.: Vendler Z. *Linguistics in Philosophy*. Ithaca; N. Y., 1967. Семантические типы предикатов. М., 1982.

² Как В. Г. Теоретическая грамматика французского языка // Синтаксис. М., 1981. С. 122.

³ Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл // Логико-семантические проблемы. М., 1976. С. 284.

⁴ См.: Как В. Г. Указ. соч. С. 124.

⁵ Там же. С. 124—125.

⁶ Вендлер З. различает глаголы, обозначающие неограниченные процессы, или деятельность, и ограниченные процессы, или исполнение. В нашей классификации первой группе соответствуют неопределенные статальные и эволютивные глаголы, которые функционируют в экзистенциальных высказываниях. Ко второй группе относятся предельные глаголы, образующие процессные и событийные высказывания.

⁷ См.: Мигирин В. Н. Гносеологические проблемы знаковой теории языка, фонологии и грамматики. Кишинев, 1978. С. 117.

Л. И. СОБОЛЕВА

СИНКРЕТИЗМ ОЗНАЧАЮЩЕГО И ОЗНАЧАЕМОГО В ГЛАГОЛАХ РЕЧИ

Для определения особенностей организации семантического поля глаголов речи нами был проведен компонентный анализ более 350 слов из «Словаря русского языка XI—XVII вв.». Предполагалось, что список семантических компонентов глаголов речи, появившийся в результате

лексикографических изысканий, позволит не только типизировать семантическую структуру глаголов речи, но и определить степень осознанности элементов речевой деятельности субъектами речевой деятельности. Такая «бытовая» трансформация общелингвистических знаний позволяет рассматривать глаголы речи, а точнее, их отдельные значения как своего рода аналог метаязыку лингвистики. И если интроспекция невозможна по отношению к мышлению, то речепользование насквозь интроспективно (достаточно вспомнить о жажде этимологизирования у носителей языка, о двух вечных вопросах: почему мы так говорим? и почему они говорят не так как мы?, об извечном человеческом стремлении к поиску мотивировки, которое было осознано коммуникативной семантикой в различении содержания и сообщения на уровне высказывания) и результаты этой интроспекции, этой непрерывной речевой рефлексии обобщены в семантических компонентах слов, обозначающих речь.

Индуктивный поиск семантических компонентов глаголов речи был стимулирован дедуктивными посылками: 1) представлениями о структуре речевой деятельности (мотив, цель, условия, этапы или действия, выполняющие эти действия операции)¹; 2) представлениями о составляющих речевой деятельности (психической, физиологической, физической)²; 3) представлениями о возможных видах мотива (требование, обращение информационного характера, связанное с контекстом, желание яснее сформулировать собственную мысль)³; 4) представлениями о разновидностях внеречевого контекста (мотивы, замысел говорящего; отношение слушающего к речевой информации, отношения между говорящим и слушающим, ситуация общения)⁴; 5) представлениями об аспектах плана содержания языкового знака и в первую очередь о «внеязыковых», «внеречевых» его аспектах (о сигматике, прагматике); семантике, синтактике, хотя последние два аспекта для целей нашего исследования менее значимы, потому что мы пытаемся найти в значениях глаголов речи бытовое представление о составляющих речевого акта, т. е. процесса перехода кода в текст. Поэтому нас интересует не то, в чем лексикализируются семантические компоненты глаголов речи (в синонимах, гипонимах, гиперонимах...), а то, какие из семантических компонентов являются составляющими каждого из значений однозначных и полисемичных глаголов. Иначе говоря, мы ищем семантические компоненты лексикализованных сем, названных семами второго порядка. Семантическая структура полей позволяют объяснить только семы второго порядка, имеющие, в принципе, дедуктивную природу, потому что любое строгое словарное толкование, использованное для выяснения сем второго порядка сделает членение языкового знака бесконечно глубоким (ведь мы постоянно должны будем каждую следующую гипонимическую сему рассматривать как форму, которая является инвариантом более тонкого, точного, скрытого содержания)⁵. 6) Одной из дедуктивных посылок поиска семантических компонентов является представление о функциях языка и речи. Предполагается, что семы, которые связаны с регулятивной функцией (цель речи, речь как стимул речи), окажутся более частотными, чем семы, отражающие собственно коммуникативную функцию языка. Так как регулятивная функция первична, она присутствует уже в эгоцентрической речи ребенка и проявляется в том, что а) спонтанная речь ребенка сопровождает действие, б) речь активизируется в проблемной ситуации. В социальной коммуникативной речи регулятивная функция проявляется в том, что волевой акт формируется под воздействием внутренней речи (эгоцентрическая речь из продолжения действия становится регулятором действия ребенка, а внутренняя речь опережает действия и планирует элементарные действия и поведение в целом). В итоге, коммуникативная функция языка сводится к его регулятивной функции: даже если передача информации — самоцель, то сама информация формирует установки личности и определяет ее поведение в социуме. Вероятно, поэтому даже в глаголах речи, имеющих синкретическую семантическую структуру: речь + неречевое действие, речь + интеллект, часто

будут встречаться семантические компоненты: цель речи, речь как стимул действия, речь как стимул речи. В какой-то мере с этой же функцией связан семантический компонент «речь как реакция». В целом же в семантических компонентах глаголов речи отражены и коммуникативная, и номинативная функции языка (семы: номинация, объект речи, значимость речевой информации, хотя последняя сема в большей мере отражает материальность речи и ее коммуникативную направленность), и функция языка как орудия мышления (сема: достоверность речевой информации, а также: речь + интеллект), и аккумулятивная функция языка в комплексе с коммуникативной (семы: передача информации, интенсивность передачи или получения информации, значимость речевой информации, достоверность речевой информации — в двух последних семмах отражается и функция языка как орудия познания), и этническая функция в самом широком ее понимании (семы: этическая оценка объекта речи, этическая оценка содержания речи, ведь морально-этические нормы — часть культуры этноса), и эстетическая функция речи (семы: эстетическая оценка речи, степень владения речью), и экспрессивная функция речи (семы: эмоциональное состояние субъекта, эмоциональное воздействие на адресата речи). Лишь с очень большими оговорками сему — характер отношений между субъектом и адресатом речи — можно считать иллюстрацией фатической функции речи. Кроме того, предпосылками поиска семантических компонентов оказались: 7) представления о составляющих процесса коммуникации (адресант, адресат, сообщение, код, ситуация); 8) представления о некоторых антиномиях (в том числе и психолингвистической природы), лежащих в основе изменения системы языка (антиномия говорящего и слушающего, антиномия кода и текста, антиномия коммуникативной и экспрессивной функции языка).

Психолингвистическая трактовка семной структуры глаголов речи предполагает учет процесса порождения и восприятия речи (семы: субъект речи, адресат речи, доступность речевой информации, речь как реакция, степень владения речью), учет психической составляющей речевой деятельности (семы: эмоциональное состояние субъекта, апеллятивная функция), учет физической составляющей речевой деятельности (сема: акустические свойства речи). Понимание речевой деятельности как одного из видов деятельности и как способа стимулировать неречевую деятельность реализовано в синкретизме сем «речь», «неречевое действие» в лексическом значении одного слова: «речь как стимул действия», «цель речи», «речь как стимул речи». Представления о различных видах мотивов реализуются в семмах: воздействие на адресата; цель речи; речь как стимул действия; речь как стимул речи (требование); передача информации, значимость речевой информации; интенсивность передачи или получения информации; достоверность речевой информации; номинация; полнота переданной в речи информации; передача информации, противоположной первоначально переданной; доступность речевой информации; последовательность, связность, логичность речи. Представления о разновидностях внеречевого контекста реализуются в семмах: эмоциональное состояние субъекта; этическая оценка содержания речи; морально-этическая оценка объекта речи, а также во всех семмах, характеризующих мотивы речепорождения.

Семиотическая трактовка семной структуры глаголов речи предполагает поиск семантических компонентов, воплощающих различные аспекты плана содержания языкового знака. Прагматический аспект плана содержания знака реализуется в семмах, характеризующих отношение к высказыванию (эстетическая оценка речи, морально-этическая оценка содержания речи, эмоциональное воздействие на адресата. Сигматический аспект плана содержания знака реализуется в семмах, характеризующих объект речи, а также отношения объекта с субъектом и адресатом речи; в семмах, характеризующих речевую информацию. Представления о линейности речи реализуются в семмах: продолжительность речи; последовательность, связность, логичность речи.

По названным параметрам анализировались однозначные глаголы речи (263 слова), двузначные глаголы (61 слово), а также глаголы с синкретическим значением⁶.

Синкретическими глаголами речи считаются такие слова, в которых означающее создает установку на восприятие речевого значения, а означаемое обозначает неречевое действие, и наоборот. Асимметрия языкового знака проявилась в следующих основных типах отношений означающего (стоит на I месте) и означаемого (стоит на II месте): звук — действие (I), действие — звук (II), звук — эмоция (III), речь — отрицательная эмоция (IV), эмоция — результат речи (V), орган речи — результат речи (VI), интеллект — речь + интеллект (VII); а также в лексикализации синестезии восприятия, где выделяется три типа отношений: зрительное восприятие — речь (VIII), тактильные ощущения — речь (IX), восприятие речи — производство речи (X); кроме того, среди асимметричных знаков со структурой действие — речь существует пять энантиосемичных лексем (XI).

В словах I типа (10 глаголов) означающее может обозначать: а) звук живого существа, б) звук, издаваемый неживыми предметами, в) форму речи, г) орган речи, д) цель речи, например: **взустити** — «1. Побуждать, заставлять что-либо сделать. 2. Склонить к каким-либо действиям, подстрекнуть против кого-либо.»; **закликнути** — «Отстранить (от должности)». В словах II типа (6 глаголов) означаемое имеет семы: а) материализация речи, б) передача информации, в) сумма субъектов речи, например: **дѣяти**² — «Говорить», сравните **дѣть** в качестве ссылки на чужую речь; **єдинятися** — «Объединяться, договариваться о единстве действий». В словах III типа (3 глагола) означаемое может обозначать эмоцию а) как причину появления аудио-объекта, б) как результат звукового воздействия, в) как сопутствующее состояние при речепроизводстве. Например: **зарыдатися** — «Начать стыдиться», **зудити** — «Докучать кому-либо, раздражать кого-либо», **выстонати** — «Выстрадать». В словах IV типа (3 глагола) означающее предполагает семы: 1) морально-этическое содержание речи; 2) нарушение этикетных норм речи, а означаемое называет эмоцию, которая а) возникает в результате речевого воздействия на адресата и сам адресат становится объектом эмоционального переживания, б) является результатом речевого воздействия на адресата и субъект речи становится объектом эмоционального переживания, в) эмоциональное воздействие сопровождается материальным. Например: **засрамити** — «Устыдить», **загрубити** — «Восстановить против себя, раздражить», **грубити** — «Причинять вред, наносить ущерб, обиду». В словах V типа (3 глагола) означаемое может выражать а) конкретный результат речевого воздействия, б) общий результат этого воздействия, в) эмоцию адресата, порожденную интенсивным речевым воздействием. Например: **выпечаловати** — «Выпросить, исходатайствовать для кого-либо освобождение», **докучитися** — «Допроситься, добиться усиленными просьбами», **докучати** — «Неотступно просить, надоедать». Слово VI типа отличается от слова I типа **взустити** тем, что означаемое **наустити** имеет сему — интеллектуальное воздействие как результат речи: **наустити** — «Убедить, побудить; подговорить, подстрекнуть». Слова VII типа (2 глагола) являются промежуточными между группой собственно синкретической и семиотико-синкретической лексики (с асимметрией означающего и означаемого), потому что их означаемое содержит и сему «речь» и сему «интеллект»: **всповѣдати** — «Поведать, рассказать», **наумняти** — «Научать, советовать». Доля синестетической лексики среди 40 слов семиотико-синкретической лексики неожиданно мала (всего 6 слов или 17,5 %), а доля семиотико-синкретической лексики в целом составляет 26 % общего числа синкретических лексем. В означающих синестетической лексики превалирует указание на тактильные ощущения (как самые простые) и на зрительное восприятие (как самое информативное), а означаемые синестетических слов имеют семы: морально-этическое содержание речи, морально-этическое пе-

реживание, интеллектуальная цель речи, звук живого существа. Например: **вытвердити** — «Вытвердить, затвердить», **выщекотати** — «Пропеть (о соловье)», **дерзовати** — «Осмелиться свободно и непочтительно говорить, делать что-либо», **зазрѣтися** — «1. Подвергнуться осуждению, поношению. 2. Устыдиться». Вероятно, синестетическими можно считать слова, где означающее имеет сему «слушать», а означаемое — сему «говорить», например: **запослушити** — «Подтвердить в качестве свидетеля (послуха), письменно засвидетельствовать что-либо».

Своеобразной разновидностью синкретизма является энантиосемия. Все энантиосемичные глаголы речи содержат сему «морально-этическая оценка» либо речевого объекта, либо самой речи. И в четырех из пяти глаголов энантиосемия создается одновременным существованием в слове положительной и отрицательной морально-этической оценки. Например: **велерѣковати** (аналогично **велерѣчевати**, **велерѣчевствовати**) — «1. Клеветать, наговаривать. 2. Много говорить о себе, хватать, похвалиться», **выговаривати** — «1. Произнести, высказать. Упрекнуть кого-либо, сделать выговор кому-либо. 2. Ставить условия, оговаривать что-либо в свою пользу. 3. Оправдывать, доказывать невиновность». И только в **насочити** — «Донести, объявить, сообщить» — энантиосемия основывается на семе «возможное количество адресатов». «Донести» содержит семы: передача информации с морально-этической оценкой объекта речи без его ведома и при ограниченном числе адресатов, а «объявить, сообщить» — передача информации при неограниченном числе адресатов. Для глаголов речи оказывается важной не только вполне запрограммированная сема «характер отношений субъекта и адресата речи» (в двузначных глаголах она встречается в пяти словах из 61 и одновременно с семой «передача информации» (в 5 словах) и «речь как стимул речи» — в 1 слове), но и отношения субъекта и объекта, объекта и адресата речи. Эти отношения определяют, во-первых, морально-этическое содержание речи, во-вторых, ее эмоциональное воздействие.

Двойная энантиосемия глаголов группы **велерѣковати** основана на том, что отрицательная оценка **в содержании** речи не предполагает тождества ее субъекта и объекта, а положительная оценка **в содержании** речи предполагает тождество субъекта и объекта речи. Но сама эта закономерность стала причиной того, что морально-этическая оценка **содержания** речи в любом случае является отрицательной. Из пяти однозначных глаголов с семантической структурой: цель речи + морально-этическая оценка + передача информации — два содержат положительную оценку объекта (**выславляти**, **выславливати**); из трех остальных глаголов, где предполагается тождественность субъекта и объекта речи, два имеют сему «отрицательная морально-этическая оценка **в содержании** речи» (**вспокаятися**, **вспокаятися**). Отношения объекта и адресата речи актуальны для глаголов, имеющих семы: оценка объекта речи, эмоциональное воздействие на адресата (это 7 слов типа **надсмѣватися** — «Смеяться над кем-либо, высмеивать кого-либо»). Если адресат нетождественен объекту речи, то и на субъекта, и на адресата речь оказывает положительное эмоциональное воздействие. Если адресат тождественен объекту речи, то на субъекта речь оказывает положительное эмоциональное воздействие, а на адресата — отрицательное. Но в отличие от семы «характер отношений субъекта и адресата речи» отношения объекта к субъекту и адресату лишь имплицитно присутствуют в названных глаголах речи в качестве той пресуппозиции, которая влияет на организацию кода, на формирование семантической структуры глаголов речи. Что это, если не еще одна иллюстрация открытости семантического уровня языка, бесконечного членения языкового знака, существования в его означаемом формы и содержания, которое тоже есть следствие асимметрии знака языка?

Дальнейшее сопоставление семантической структуры несинкретических глаголов речи и любых сенсорных глаголов позволит определить степень универсальности семантических компонентов (их наличие в гла-

голах разной семантической степени сложности); различия в степени распространенности сем, зависящие от количества семантически однотипных слов, в которых встречается сема; частоту совместной встречаемости сем, а в результате — психолингвистически и культурологически интерпретировать все эти лексико-семантические параметры.

¹ Лурья А. Р. Язык и сознание. М., 1979.

² Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977.

³ Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. М., 1976.

⁴ Лурья А. Р. Язык и сознание.

⁵ Шпет Г. Г. Сочинения. М., 1989.

⁶ См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1986. Т. 1—X.

Е. И. ГАПОВА

О ЯЗЫКОВОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Языковое представление событийного потока не связано в отличие от представления предметных сущностей с какой-либо одной лингвистической категорией, а может быть реализовано при помощи различных формальных средств: предложений и их номинализаций, глаголов, имен. Но, очевидно, возможна и группировка языковых средств согласно тому, какие типы концептов происходящего они преимущественно обозначают. В частности, выделяемая в английском языке группа — инфинитивные обороты (сочетания вопросительного слова с инфинитивом *what to do* — ИО), хотя и обозначают элементы событийного потока, не покрывают значений, относящихся к области онтологии. Означиваемые с их помощью сущности относятся к сфере мысли, отражения действительности в сознании, что можно доказать с помощью следующих рассуждений.

Установление особенностей некоторого типа языкового значения требует рассмотрения его взаимодействия с другими значениями, в частности, значениями присоединяющих единиц. Сочетаемость лексемы определяется ее индивидуальным лексическим значением, общим грамматическим и значением подкласса. Можно также выделить значение, противопоставленное лексическому значению конкретного слова, как индивидуальное — групповому. «Такие обобщенные значения слов часто не имеют эксплицитного выражения... но объединяют слова в целые группы в составе той или иной части речи. В определенном синтаксическом окружении лексическая номинация этих слов переходит в разряд грамматической»⁴. В результате комбинаторно-семантических процессов эти значения становятся необходимым условием сочетаемости опорного слова с определенным типом распространителя, а функционально-семантическая сочетаемость языковой единицы (ИО) будет выступать в качестве одного из ее дифференциальных признаков. Одним из важнейших грамматических свойств ИО является их типовая зависимость от лексем, обозначающих различные речемыслительные процессы или результаты речемыслительной деятельности:

I don't **know** what to do.

He had no **idea** of what to say.

She was **uncertain** how to go on.

Корпус присоединяющих глаголов, исходя из их семного состава, можно подразделить на следующие семантические группы: 1) умственной и психической деятельности (напр., *know, think*); 2) инструктирования (*instruct*); 3) восприятия (*watch**); 4) обозначающие приобретение информации (*learn*); 5) обозначающие волевые акции (*decide*); 6) обозначающие коммуникативные процессы (*discuss*); 7) с семантикой поиска информации (*wonder*); 8) с семантикой планирования (*plan*). Очевидно, что семантическая сфера вводящих вершинных глаголов — сфера мысли и знания, психических процессов. Посторонней к ней явля-